

* * *

Проживу монашкой, умру витией,
Только, даже если и не грешна,
Не бери меня, Господи, во святые,
Потому что смерть у святых страшна.

У заставы райской устав железный:
Повышают ратников в званье ведь
Не за то, что в жизни тягался с бездной,
А за то, что принял за это смерть –

С расчлененьем, кровью, посмертной дрожью,
Чтобы помнил ты до конца времен:
Человек способен на дело божье,
И на жертву божью способен он.

* * *

Люблю тебя – слетело с губ ночных,
Но вся моя Земля была безлюдна:
Река под снегом в щетках травяных,
Село вдали, пропавшее с полудня
(так на радарх тают корабли),
Кровать пустая, чем ни застели.

Кому сказала? Думала о ком?
Зачем сложились губы в оба слова,
Сомкнувшись дважды? Трижды языком
Зачем коснулась нёба ледяного,
Чтоб гласные нарушили меж тем
Спокойствие космических систем?

Услышать, а не то что отвечать,
Тут некому: следы в лесу несвежи,
На небесах сургучная печать,
Нет никого, и лишь порядки те же:
Оттуда, из-за туч, сочится луч,
Но скрыт подтекст, и не сорвать сургуч.

Вот прорезь рта: хранят его края
Весь опыт мой. Явление возврата
К первоначальной форме бытия,
Эффект тактильной памяти, токката
Органная, ямбических слогов
Пульсация среди ночных снегов –

Вот импульсы «люблю» произнести.
Стремятся губы, как металл в горенье,
К первоначальной форме. Поскрести –
Весь мир вернется к первым дням творенья.
Звук извлеки и посмотри на свет:
Он – вещь в себе, он сам себе ответ.

Так зверь приучен вытянуть к луне
Безропотную морду. Одичанье –
Как степень одиночества – вполне
Достаточное средство для звучанья
Животворящей формулы земной,
Произносимой то и дело мной.

* * *

Когда мой сын готовился прийти
Для жизни, что светла и благолепна,
Я просыпалась где-то к девяти
И долго от сиянья солнца слепла.

По стенам расползались кружева,
Листва зеленый цвет в окно бросала.
Я шелестела нежные слова
Под шелковую сферу одеяла.

Я гладила живот, в котором жил
Младенец мой, готовый нынче сбыться.
И был сентябрь. И в воздухе кружил
Предвестник материнства – голубица.

Я пульт взяла. Зарокотал экран,
Как будто сам Арес всходил на пашне.
В прямом эфире «Боинг» (крупный план)
Как раз таранил стену Южной башни.

Я глаз своих не стала закрывать.
Я и моргать-то перестала толком.
И голубица села на кровать
И крылья распахнула в крике тонком.

И вся Земля почувствовала вдруг,
И заучила я не по макетам,
Как сына моего сковал испуг,
Когда высотный рушился Манхеттен.

– Не бойся, – я шепнула в пустоту,
Но мысленно добавила: – И даже
Не думай к нам рождаться! Крик во рту
Держа рукой, смотрела репортажи.

Тридцатого под вечер сыпал снег,
В родильне не играли светотени,
Пока рождался добрый человек
С летящей голубицею в тотеме.

Я вволю оторалась. Этот ор
Был слышен над Ист-Риверским проливом.
Родился сын мой в праздник трех сестер
И непугливым вырос. Непугливым.

* * *

Я день скоротала и свет погасила,
И спать улеглась, отвернувшись к стене.
Какая-то потусторонняя сила,
Паркетом скрипя, приближалась ко мне.

И тюль надувался, и таяли стены,
И капала капля, когда на крыльцо
Все предки мои от границ Ойкумены
Вступили и молча забрали в кольцо.

Общинные старосты, конюхи, бабы,
Царёвы крестьяне, стрельцы, звонари –
Столпились покойнички поодаль, абы
Чего не случилось со мной до зари.

О, что я затронула нынче при свете,
Какие открыла гробницы во сне,
Что хлынули древние волости эти,
Как будто врата есть какие во мне?

книга моих совпадений с пространством
и временем, ты ли разверзлась на миг,
и кровная связь с переполненным царством
небесным была установлена встык

на клеточном уровне, что ли. Ну, что вы
Молчите, славяне мои, издаля?
Мне страшно, но я не свободна от Слова,
Которое Бог и родная земля.

Я всех вас несу на хребте позвоночном
Века, но с того и загривок силен.
А гости молчат в соответствии точном
С молчаньем ещё праславянских племен.

О, что вы оставили мне на прожиток
Разбитых корыт и колен окромя,
Хотя бы какой-нибудь слиток ли, свиток
О том, через что Бог помилует мя,

Хотя бы какой-нибудь в горсточку полбы,
Какой-нибудь сказки в грядущие сны!
О, кто вы, какие вы, темные толпы,
Мои Балалыкины и Зимины?

Пустите, Иваны, Ивановы дети,
Небесные силы, Господня родня! –
Шептала я им, а они на рассвете
Один за одним уходили в меня:

Курчане, тверчане, черкизовцы, ниже-
городцы, воронежцы, тульцы, а там
Древляне, поляне, кривчане и иже
Михаель, Ирад, Енох, Каин, Адам.

* * *

Смерть вчера гуляла ночью
В доме после двух.
Всей своей костлявой мощью
Мой вбирала дух.

Я сказала ей: – Ошибка!
Ты ведь не за мной.
Видно, видишь ты не шибко
В темноте ночной.

Смерть улыбкой отвечала.
И к другой плыла,
К той, что с самого начала
Здесь ее ждала.